

**ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
БЛЕЗА ПАСКАЛЯ
И ФИЛОСОФСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
ДУХОВНОСТИ ТВОРЯЩЕЙСЯ ИСТОРИИ**

Человек остается не только мерой познания всех вещей, но и разрешаемой, разгадываемой загадкой для просвещенности; благодаря мощи интеллектности философская, общекультурная духовность переживаемого нами времени становится *собственной классической* для реальностей третьего тысячелетия. В поисках принципов иного мировоззрения современность совмещает свое торжествующее самосознание, выражающееся в четко фиксированных мыслительных культурах, с такими же отчетливыми, хаотическими, находящимися вне господствующих, фрагментарными самосознаниями. Рассматриваемое состояние характеризует сущность переходных, *переломных периодов истории философских культур*, делая их в сложных измерениях переходности относительно или абсолютно самостоятельными, *родоначальными, самодостаточными*.

Отвергнутые ранее, утраченные или растерянные в предшествующих веках и тысячелетиях философские и нефилософские опыты и достижения сосредоточились в двадцатом веке как *метафизическая потребность субъектов философствования и субъектов потребления философской мудрости*. Более того, двадцатый век невероятным образом совместил и синхронизировал сами социально-исторические, идеологические, религиозные, мистические, другие предметные и духовные практики. Двадцатый век буквально *пленил себя чувством переживания иллюзорных возможностей* тиражировать потребности в философствовании как высшей, точнее, высочайшей инстанции оправдывания такого, что может быть принято, например, только философской антропологией Блеза Паскаля.

Знания о человеке не исключают однозначных реконструкций, извлекаемых из исторического пепла забвения собственных фило-

---

Зубова Надежда Александровна — преподаватель Псковского политехнического института

софских свидетельств. И философское свидетельствование как реальность — процесс, и неутоляемый интерес к нему остаются *диалоговыми реальностями*, целостностями, сферами жизни, истории, общества, что выделяется в истории как третья сторона — специфическая, автономная деятельность, заявившая о себе *иерархической синкретичностью духовности переходного периода*.

Творение тенденций современного философского развития, мыслимых и принимаемых «здесь и сейчас», у *непосредственных истоков этого творения*, подчеркнуто свидетельствует о *способности философской целостности самой называть, объявлять свои нынешние состояния классическими*. Правда, хотя и этому состоянию соответствуют аналоги в прошлом, современная философская эпоха переходности вращается в духовность третьего тысячелетия не только оглядываясь в далекое прошлое, но и, по разным обстоятельствам, может решительно отказываться от приобретенных способностей всматриваться в прошлое. Особенно это касается философии истории, философии человека, философии социальности и мировоззрений, *сопутствующих*, в частности, государственным и межгосударственным образованиям, технологиям. Вряд ли можно этот разрыв с духовным прошлым чем-либо оправдать, но неясно мотивированная избирательность субъектов деструктивного отрицания опыта философского прошлого сопровождается, тем не менее, *конструированием, воссозданием так называемых региональных онтологий, региональных метафизик, региональных философий*.

В правах региональных философствований усматриваются, как правило, самобытные, гиперсамобытные, «абсолютно совершенные» проявления в национально-культурной государственности, ожидания человека как неотъемлемого атома этой воображаемой реальности. И если в развитых философских культурах, например, философская антропология Паскаля принимается как философская идеализация, то в неестественных «региональных» онтологиях целостное философское знание о человеке ограничивается фрагментарным этнологическим эклектизмом, оформляющимся в узких, специализированных состояниях-моделированиях. Проблема состоит в самозабвенном игнорировании единения истории, цивилизации, культур высших и элементарных условий выживания, чему противопоставляются однозначные конституирования национально-этических, национально-религиозных, территориаль-

ных, региональных «философий человека». Экономическим, государственным основаниям переходности и социальным разломам пытаются *буквально отыскать «зеркальные» философские модели, однозначно соответствующие объяснениям человека в суетности, эмоционально увлеченного символикой социокультурных разломов.* Качественным интенциям такого времени могут соответствовать некоторые процессы, опыты, результаты бытийствования философии переходных периодов, историко-экономических содержаний переходных периодов, революций, войн, катаклизмов, которых в истории человечества оказалось не мало, благодаря чему можно и нужно в подобного рода переходах и деформациях обнаруживать «собственную» духовную классику и видеть творимость этой классики.

Однако интересующий нас парадокс состоит в том, что исторической переходности, разломам истории, культур, государств может содержательно соответствовать философия и философствование личности, творившей *не обязательно в сходных* условиях социальных деформаций. Попытки духовно, концептуально и даже идеологически опираться на целостный личностно- философский жизненный авторитет мыслителя лишь дезавуирует, оттеняет организационный социальный замысел, часто идеологический, превращения философского знания, философской системы в программу повседневного жизнеустройства. Должную услугу в решении вопроса оказывает традиция функционирования «здорового смысла» в интеллектуальных сферах, в апелляциях к которому метафорически «снимаются» противоречия, нелогичности как некие нормальные, принимаемые самодостаточные аргументации, где человек растворен в бескрайнем океане необозреваемого эмпирического многообразия. Но и здесь раскрывается тайна, логика продуманных интенций: выстраиваемым в какой-нибудь философской концепции сомнениям, играм мышления, парадоксам, метафорам как бы естественно могут соответствовать духовно неформленные, хаотические намерения человека, социальных субъектов повседневной практики и оправдывать ее как она есть.

Своеобразие философского измерения человеческого бытия в смещающихся контекстах культуры, государственности, религий и идеологий состоит в постоянном подтверждении тщетности превращения философии в обыденное проповедничество и пастырство. Однако *новые цивилизационные возможности вести ин-*

двигательный высококонтрастный диалог личности с философским знанием, мудрецом, «гуру» противостоят «здоровому» конструированию региональных онтологий, локальных метафизик. Вот почему имеет исключительное значение изучение духовности переходных периодов истории, культивирование в них любых, но философских — по происхождению, символик. Устанавливаемые сложности подтверждаются, например, судьбой Блеза Паскаля как философа «вне философии». Философ сам по себе антиномичен — и сциентист, и гуманист, но философ и полиномичен, — отчасти и оттого, что в нем могут видеть и пророка, и пастыря, и политика, просто кумира, — не здесь ли успокаивается и бунтует метафорика здравого смысла мировоззренческой гуманистики «без человека конкретного»?

Универсальность гения и конкретные противостояния жизненной ереси, утешения истиной в империи власти, личный Бог в драматизме веры и, наконец, — метафизика сердца, — все это оформляющаяся в истории духовности диалоговая целостность, востребующая философа и философию; все чаще творящаяся историческая переходность, деформация конфликтность пытаются идентифицироваться в философской целостности. *Часто стабильные состояния заведомо ложно идеологизируются как непрерывно переходные.*

Что делали бы Сократ, Блаженный Августин, Аристотель, Паскаль и Бэкон, их весьма практические гении в другом обществе, в других обстоятельствах, например, в XXI веке? Формулируя проблему конкретнее, — какой будет личность философа, что изменится в самой жизни как предосновании философствования, в способах демонстрации философского мышления?

Детализация проблемы как бы упрощает ее рассмотрение и решение, тем более, что обсуждаемое будущее уже так обозримо. Инерционность всех сфер человеческой жизни неизбежно включает в себя духовную инерционность, статичность. Вместе с тем и жизнь, и способы ее познания динамичны, благодаря чему в поле зрения философов будущего опять окажется гипотеза о первобытной философии, которая обнаружилась в человеческом духе, как только он начал размышлять.

Реальные условия производства и воспроизводства философских ценностей всегда таковы, что философское мышление может в качестве своего предмета исследовать не столько само себя, сколько

мотив, обстоятельство, побудившее конкретного человека к осмыслению данного обстоятельства некоторым способом. Так, осознаваемый мировоззренческий плюрализм иногда отождествляется с плюрализмом философским, подобно тому, как и самые разнообразные мировоззренческие, духовные искания времени объявляются философскими. Впрочем, последнее не является препятствием для исторически оправданной специализации философского знания, а, значит, и в будущем философия, самокритично преодолевая собственную инерционность, сможет по необходимости расширить собственную внутреннюю и внешнюю специализации, содержание и функции. Некоторые важные, точнее, «бросающиеся в мышление» обстоятельства целесообразно постоянно объяснять, как это может быть проиллюстрировано гипотезами о соответствии философии первозданным основаниям человеческой мыслительной духовности, об объективных и субъективных пределах так называемой плюрализации индивидуального и внеличного мышления, а также сознания. Вероятно, хотя «самоназванность» имеет свои основания и традиции, в так называемой современной духовности существуют рассеянный смутный пантеизм с общими им абстрактными развившимися понятиями, что предполагает некоторое неравенство людей по их мышлению. Ученые, философы, созидатели нравственного и прекрасного рефлексиируют собственную духовность, собственный мыслительный процесс иначе, чем остальные. Следовательно, к самим мыслям, их предназначению они могут относиться иначе, чем, например, так называемая просвещенная публика. Это подтверждается судьбами того, что может быть названо философским просвещением, философским образованием, когда философские идеи пытались да и продолжают буквально исполнять.

Философское мышление, осознающее себя таковым, чаще всего имеет дело с иной духовной реальностью, чем просто мышление, просвещаемое философией, свои результаты направляет на такие же духовные реальности, используя духовные средства. Вот почему идея мировоззренческого, философского, духовного плюрализма или единства оказывается животрепещущей и для начала третьего тысячелетия. Впрочем от этого мыслительного хода можно отказаться, предложив иную всеобъемлющую, всепознающую и всеобъясняющую картину человеческого жизнеустройства и томления, попытаться выйти за рамки концепций, школ, традиций, тенденций и даже навыков. Этот путь слегка узнаваем в ду-

ховном опыте человечества, однако он затруднен суетными попытками воспользоваться философскими идеями, результатами. Решая сходную задачу, полемизируя с Паскалем, А. Бергсон показал, что *если у нецивилизованных людей действительно обнаруживается какая-то философия, то последняя должна скорее практически исполняться, чем мыслиться*; она заключена в целой совокупности полезных или считающихся таковыми операций, выделяется из них и выражается посредством слов — впрочем, «непреренно туманных» — только для удобства действия. Этим самым философская идея может примитивизироваться, а псевдодеятельность, якобы ей соответствующая, не достигает желаемого результата, после чего в очередной раз философия дистанцируется от несвойственной ей суетности, продолжает оставаться постоянно *вызывающей*ся материальной, общественно-исторической реальностью. Это — с одной стороны. С другой — *существует логика тела и телесности, осуществляющаяся гораздо раньше, чем ум*, плюралистическое мирозерцание находит для нее концептуальную форму. Часто эта логика предопределяет все смыслы постулата «прежде чем философствовать, надо жить». Философские идеи, использованные «не там и не так», «не по существу», показали, что они могут быть средством, в том числе для преобразования и даже для разрушения человеческой целостности. Поэтому философия современности может специализировать свои профессиональные искания в обосновании такой гуманистики, которой соответствовало бы все разнообразие человеческой практики, так как последним будут предшествовать иные идеи, иные логики.

А. И. Тимофеев

ТЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ У ШЕЛЛИНГА

Исследование проблемы свободы занимает в классической немецкой философии значительное место. Основное направление эволюции этих исследований состояло в переходе от трактовки свободы в виде космологической идеи к рассмотрению ее антропологиче-

---

Тимофеев Александр Иванович — канд. филос. наук, доцент СПб Университета аэрокосмического приборостроения